

АЙДА, Гайда — повелительное наклонение Татарскаго глагола айдамянь, гонять, погонять. Выраженіе Айда принято въ южныхъ и восточныхъ краяхъ Руси народомъ, вмѣсто: пойдёмъ, ступай или пошель. Иногда говорятъ даже: айдаге, вмѣсто пойдёмте, ступайте. В. И. Д. Т. 1. С. 304.

АЙДАРЪ, слово, составленное изъ Татарскаго Ай, мѣсяць, и Персидскаго даръ, имѣющій. Мусульманскіе народы, которые брѣютъ голову, иногда покидаютъ на тѣмени чубъ, заплетаютъ его въ косу, или просто закручиваютъ на головѣ, или вокругъ уха, и называютъ самый чубъ этотъ и чубоносца тылымъ или Айдаръ. У Киргизъ-Кайсаковъ есть обычай, по которому мать любимому — обыкновенно меньшому — сыну издѣтства отращиваетъ Айдаръ; а потому слово это употребляется иногда вмѣсто баловень, любимецъ, маменькинъ сынокъ. В. И. Д. Т. 1. С. 304.

АЙРАНЪ, Айрянъ — обыкновенный лѣтній напитокъ Татарскихъ народовъ:

квашеное коровье молоко, разболтанное съ водою. Воды льютъ половину и болѣе. Айраномъ называютъ Татары также сыворотку, остатокъ отъ смѣшаннаго изъ сметаны масла. В. И. Д. Т. 1. С. 306.

АКСАКОЛЬ, бѣлая борода. Такъ Татарскіе народы вообще называютъ почетныхъ стариковъ своихъ, даже и тогда, когда у нихъ и нѣтъ бѣлой бороды. Между кочевыми племенами патріархальное уваженіе къ Аксаколамъ доселѣ строго соблюдается, и въ особенности каждый глава семейства пользуется уваженіемъ и повиновеніемъ цѣлаго поколѣнія, раздробившагося, по многоженству, на множество семей и отраслей. В. И. Д. Т. 1. С. 369.

АКСЮЯКЪ, или Аксюнгакъ, бѣлая, благородная кость. Такъ Татарскія племена называютъ князей и султановъ своихъ, коимъ досталось въ удѣлъ званіе это по наслѣдству: избранные старшины и правители изъ черни, изъ простолюдиновъ, никогда не могутъ пользоваться званіемъ бѣлой кости. Калмыки говорятъ: Цаганъ—

Ясанъ. Къ наслѣдственному достоинству бѣлой кости у Киргизовъ принадлежатъ ханы, султаны, князья, мурзы и ходжи — а у Калмыковъ: найманы, (князья или владѣльцы) и зойзанги (дворяне). Хотя Указами 1776 г. Марта 14 и 1784 Февр. 22 и постановлено, чтобы потомки Турецкаго Султана, Хановъ Крымскихъ, Кайсацкихъ, и пр. были почитаемы за князей, а Ногайскіе мурзы за дворянъ, но, по причинѣ недостатковъ въ ясныхъ, письменныхъ доказательствахъ происхожденія, правительство, уже съ 1804 года, не жаловало вновь Татаръ въ князья и дворяне, а въ Сводѣ Законовъ (см. Т. IX о Состояніяхъ), упомянуто только о правахъ Сибирскихъ инородцевъ. Султаны избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Султаны чествуемы бываютъ: Ваше Степенство; ханы, которые всегда избирались только изъ числа султановъ, Ваше Высокостепенство. Всѣ, безъ исключенія, Киргизскіе султаны выводятъ родъ свой отъ Чингисъ-Хана, и нѣкоторые съ большою точностію и вѣроятностію.

Ходжи, потомки Мохаммеда, раздѣляющіеся на два поколѣнія: Сеить—Ота и Курасанъ, почитаютъ сами себя выше Султановъ, хотя народъ ихъ и ставитъ гораздо ниже. Правительство наше еще не опредѣлило правъ ходжей. Убійство Султана, бѣлой кости, у Киргизовъ почитается святотатствомъ; хотя и самъ Абуль—Хаиръ—Ханъ, Султаны Каипъ—Гали, Медеть—Гали и другіе, убиты своими же, Киргизами. Кунъ, цѣна крови, за простаго Киргиза, полагается 1000 барановъ (за женщину 500), а за султана 1000 верблюдовъ — цѣна, которой впрочемъ никто заплатить не въ состояніи. В. И. Д. Т. 1. С. 373.

АРЧАКЪ (Нѣм. Sattelbaum, Англ. Saddle—tree; Фр. arHon), испорченное Татарское ынгрчакъ, сѣделка — деревянный оставъ сѣдла. Его называютъ также ленчикъ, отъ Польскаго leczek, lek. Онъ состоитъ изъ передней и задней луки и изъ щекъ; иногда бываетъ и окова. Луки въ особенности должны быть выдѣланы изъ крѣпкаго и сухаго лѣса — орховаго,

кленоваго или березоваго корня, — и имѣть такую развилину, чтобы хребетъ лошади не касался дерева, а одни только крылья лукъ лежали на ребрахъ ея. Арчаки, пригнанные на лошадей въ хорошемъ тѣлѣ, всегда почти сбиваютъ спины конямъ во время похода, гдѣ они вдругъ спадаютъ съ тѣла; широкій Арчакъ садится ниже и ложится развилиной на хребетъ; исправляютъ это, подшивая подъ крылья полосы войлока. Почти всѣ народы дѣлаютъ Арчаки по-своему; но всякое измѣненіе относится къ наружности Арчака, къ посадкѣ сѣдока, а главное правило вездѣ одинаково. Арчакъ нашей строевой конницы тянетъ отъ 7 до 10 фунтовъ; казачій не болѣе 4; а горскій и Кайсацкій около 2. Какъ ни просто, повидимому, устройство Арчака, но искусство давать дереву надлежащій видъ и погибь, знатоками цѣнится высоко, такъ точно, какъ и скрипичный смычекъ, въ которомъ припасовъ на нѣсколько рублей, цѣнится въ 200 рублей, за ловкость, за фасонъ, за прямизну. В. И. Д. Т. 3. С. 292.

АУЛЬ, Татарская или Башкирская деревня, кочевое селеніе Кайсаковъ. На Кавказѣ называютъ селенія также Аулами; за Кавказомъ даютъ имъ Персидское названіе Кендъ, а Турки говорятъ: Кюй или Кіой; у Калмыковъ Хотонъ соотвѣтствуетъ Аулу, а Ауль означаетъ участокъ въ нѣсколько кочевыхъ деревень или хотоновъ. Юрть, иль, употребляется Татарами иногда также вмѣсто Ауль; юрть, юрта, у Башкировъ, то же, что у Калмыковъ улусъ, нѣсколько деревень, почти то, что въ Россіи волость. Юрть можетъ также означать дворъ и домъ, а иногда и владѣніе. Татарскія селенія въ Казанской и сосѣднихъ губерніяхъ, состоятъ большею частію изъ маленькихъ деревянныхъ избушекъ, иногда снаружи выбѣленныхъ безъ оконъ на улицу, исключая новыя, по плану выстроенныя селенія. Хозяйство довольно опрятное; изба внутри обдѣлана чистыми шелёвками (досками); есть кутникъ или нары, деревянная переборка и голландская печь или чуваль, комелекъ. Изба обыкновенно

раздѣляется на двѣ половины, мужскую и женскую. Башкирскіе Аулы отличаются бѣдностію избышекъ и совершеннымъ отсутствіемъ улицъ; дома, окруженные заростью, крапивою и особенно дикими коноплями, обставленные ульями, разбросаны безъ всякаго порядка. На лѣто Башкиры выкочевываютъ со скотомъ своимъ въ кошемныхъ кибиткахъ, и въ зимнихъ Аулахъ ихъ остается только кой-гдѣ старикъ, пчельникъ. У Крымскихъ Татаръ Аулы лежатъ обыкновенно на косогорѣ, избы пристроены или врыты въ гору, прижимныя латвины плоскихъ кровель удерживаются булыжникомъ и валунами. На Кавказѣ избышки мазанковыя, плетневые; въ Дагестанѣ каменные. Аулы кочевыхъ народовъ состоятъ изъ кошемныхъ (войлочныхъ) кибитокъ, въ коихъ аксакаль, глава семейства, признается старшиною. Кругомъ положить можно по 56 душъ обоего пола на кибитку. Путникъ, достигшій Аула, почитается кунакомъ, гостемъ, и жизнь его, на время пребыванія въ Аулѣ, безопасна;

впрочемъ обычай этотъ въ степи, у Кайсаковъ подвергается исключеніямъ, а на Кавказѣ сохраняется гораздо строже. Достойно замѣчанія, что при въѣздѣ въ Мусульманскую деревню, поражаетъ обоняніе ваше особаго рода духота, которая, вѣроятно, происходитъ отъ свойственной народамъ этимъ испарины, подобно какъ и атмосфера Евреевъ, даже самыхъ опрятныхъ, отличается духотою особаго рода. В. И. Д. Т. 3. С. 429.

ВЕРЕВОЧНАЯ ЛѢСТНИЦА. Самое названіе служитъ здѣсь опредѣленіемъ. Въ «Веревочной лѣстницѣ» грядки всегда бываютъ веревочныя, а ступени, по обстоятельствамъ, веревочныя или деревянныя. Лѣстницы эти употребляются почти исключительно только на судахъ, гдѣ онѣ, по мѣсту, устройству и назначенію, получаютъ разныя названія. «Вантами», называются сплошныя веревочныя лѣстницы, служащія какъ для укрѣплѣнія мачтъ и продолженій ихъ (см. Ванты), такъ и собственно лѣстницами, по которымъ люди входятъ на марсы, саленги и выше.

Веревочная лѣстница о деревянныхъ ступеняхъ, по которой спускаются съ кормы паруснаго судна на гребное, называется «штурмъ–трапъ», «штурмовою, бурною лѣстницею», потому что въ сильную бурю шлюбка не можетъ подойти къ борту, а надобно спускаться въ нее съ кормы. Общее названіе веревочной лѣстницы на флотѣ «тросовый» или «веревочный трапъ». Русское названіе небольшой веревочной лѣстницы, употребляемой изрѣдка въ домашнемъ быту: «стремянки». Такъ говорится, на примѣръ, выкинуть изъ окна стремянки, спуститься по стремянкамъ. На Западѣ, шелковыя, укладистыя, карманныя лѣстницы, были извѣстны въ рыцарскія времена и служили въ особенности для любовныхъ походовъ, какъ на дѣло, такъ и въ романахъ. Важные преступники пользовались не рѣдко, для побѣга, этимъ же средствомъ; пожарныя команды иногда были снабжаемы веревочными лѣстницами; онѣ же употребляются хозяевами домовъ, для сообщенія съ кровлей; воры и

разбойники иногда пользуются стремянками, и чтобы перелѣзть черезъ стѣну или влѣзть въ окно, закидываютъ ихъ при этомъ на кошкахъ, особаго устройства, какія дѣлаютъ на пр. у нашихъ Волжскихъ разбойниковъ, изъ четырехъ сомовьихъ крючковъ или «жирдиць». Главное удобство лѣстницъ этихъ состоитъ въ легкости и умѣстительности ихъ; главнѣйшее неудобство въ томъ, что стремянки нельзя приставлять на скорую руку къ значительному возвышенію, а должно прикрѣплять ихъ сверху. В. И. Д. Т. 9. С. 457.

ВИДѢНІЕ или **ПРИЗРАКЪ**. Подъ этимъ словомъ разумѣется явленіе, представшее чувствамъ нашимъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ образомъ; явленіе, которое по-видимому, нельзя изъяснить извѣстными законами природы. Подразумѣвается, что человѣкъ видитъ явленіе это не во снѣ, а наяву; и, большею частію, что видѣніе это не вещественно, не осязаемо. Почти всѣ Видѣнія основаны на явленіи тѣни или

духа, то есть человѣка, отшедшаго уже въ вѣчность и принявшаго снова плоть, видимый образъ. Въ этомъ смыслѣ Видѣніе получаетъ болѣе точное и опредѣлительное названіе Привидѣнія.

Умъ и разумъ нашъ, разсудокъ и здравый смыслъ, рѣшительно противятся допустить дѣйствительность или сбыточность Видѣнія, по этому, частнаго свидѣтельства не большаго числа избранныхъ, слишкомъ недостаточно для того, чтобы заставить насъ изнасиловать здравый разсудокъ и вѣрить, вопреки собственнаго своего убѣжденія; тѣмъ болѣе, что чувства наши и напряженное воображеніе, гораздо чаще и легче подвергаются обманамъ, нежели здравый смыслъ. Какимъ образомъ душа, излетѣвшая изъ бренной плоти, которая давно уже и истлѣла, можетъ снова явиться, снова въ той же плоти, уничтоженной уже всевѣчными законами природы? Если бъ и допустить, что обитающая въ насъ душа, можетъ, подъ какими бы то ни было условіями, войти въ

духовныя связи и сношенія съ безплотнымъ міромъ духовъ, съ душами отшедшими въ вѣчность, то и тогда бы даже не возможно согласиться, что бы плотское око наше могло воспріять впечатлѣнія отъ чего либо невещественнаго, т. е. для него не существующаго. Если даже и допустить, что душа наша можетъ быть приведена особыми обстоятельствами въ восторженное состояніе, въ которомъ дѣлается независимою отъ пяти чувствъ и прѣвыше времени и пространства, дѣлается ясновидящею (см. Магнитисмъ) и въ настоящемъ созерцаетъ будущее и прошедшее, сокрытое отъ ока тѣлеснаго и отдаленное на огромныя разстоянія, то все таки этимъ не будетъ разрѣшена загадка, какимъ образомъ являющійся намъ духъ, можетъ воззвать изъ праха плоть свою, или облечься въ подобіе ея? А безъ этого, само собою разумѣется, нѣтъ и Видѣнія, въ чемъ и сами духовидцы насъ удостовѣряютъ, утверждая, что привидѣнія являются въ образѣ плотскомъ.

Относительно Видѣнія въ обширномъ смыслѣ, достаточно замѣтить, что глазъ нашъ можетъ видѣть только тѣ предметы, которые дѣйствительно существуютъ, или ихъ изображеніе: гдѣ ничего нѣтъ, тамъ не чего и видѣть. Существовать же могутъ предметы только тамъ, гдѣ существо ихъ обусловлено неизмѣняемыми законами природы, естественнымъ и обыкновеннымъ порядкомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, чувства наши обманываются, а робкое, воспріимчивое, игривое воображеніе слѣпо вѣритъ. По этому, всѣ духовидцы могутъ быть раздѣлены на обманщиковъ умысленныхъ и неумысленныхъ. Первые пользуются легковѣріемъ людей, для достиженія какихъ либо видовъ и намѣреній; вторые, обманутые сами, нехотя подають руку помощи первымъ. Мракъ и полусвѣтъ, опутывая зрѣніе наше непроницаемыми для него тенетами, бывають всегдашними спутниками Видѣній. Ночная тишина, всеобщій покой, полумракъ, часъ разбоевъ и грабежей, одиночество; ни чѣмъ не развлекаемое

воображеніе, играющее на свободѣ и на разгулѣ; непріятное и непривычное положеніе чловѣка, временно лишеннаго одного изъ главнѣйшихъ чувствъ, зрѣнія, наконецъ, слѣдующій за напряженіями тѣла и духа приливъ крови къ мозгу и къ самымъ орудіямъ зрѣнія; все это въ совокупности олицетворяетъ передъ нами неодушевленные предметы, или даже переноситъ созданныя воображеніемъ картины въ окружающую насъ туманную существенность. Иногда въ полудремотномъ забытіи, будучи обмануты грезами, мы обращаемъ ихъ въ Видѣнія. Душа не распознаетъ картины, родившейся вслѣдствіе впечатлѣній прошлыхъ, минувшихъ, отъ явленій настоящихъ, и бываетъ обманута.

Многіе сочинители пользовались общею слабостію людей, склонностію ко всему чрезвычайному и сверхъ-естественному, какъ мощною опорною точкою для своего рычага, и показывали намъ въ драмахъ, эпопеяхъ, и романахъ разныя Видѣнія: тѣни, призраки и привидѣнія. Пока

таинственныя явленія эти служатъ только иносказательными картинами, или представителями того, что происходитъ въ душѣ и умѣ дѣйствующаго лица, какъ на примѣръ, во множествѣ сочиненій древнихъ, въ «Гамлетѣ» и «Макбетѣ» Шекспира, въ «Водопадѣ» Державина, во многихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго: до тѣхъ поръ средство это на своемъ мѣстѣ; но гдѣ сочинитель хочетъ обмануть на-прямикъ и себя и читателя, обращаетъ духовъ въ главныя дѣйствующія лица и не допускаетъ никакой возможности подразумѣвать одно изъ отношеній, о которыхъ мы сказали, попытка его будетъ неудачна. На это примѣровъ много. Волшебныя сказки, баллады и баллеты, какъ выдумки часто шуточные, или по крайней мѣрѣ баснословныя, какъ такая игра воображенія, которая не требуетъ что бы сказка была принята за быль, не насилуетъ разсудка, принадлежатъ всегда болѣе или менѣе къ первому разряду сочиненій и могутъ иногда занять, забавить, утѣшить или наставить зрителя.

Видѣнія и призраки искусственные, производятся обыкновенно посредствомъ прозрачнаго рисунка и выпуклаго стекла (см. Фонарь волшебный), или, еще лучше, посредствомъ куколки или другаго предмета и полаго зеркала (см. Фантасмагорія). О Видѣніяхъ еще говорится въ статьяхъ: Привидѣніе, Духъ, Призракъ. В. И. Д. Т. 10. С. 92–94.

ВИНТОВКА (Vachse, Carabine gauche), ружье, устроенное собственно для стрѣльбы пулею, или цилиндромъ, вылитымъ по калибру. Изъ каждаго ружья можно стрѣлять пулею; но стволъ Винтовки имѣетъ внутри винтообразную грань, или нарѣзъ, въ которую вгоняется пуля силою, иногда сама по себѣ, иногда съ пластыремъ, т. е. обернутая въ лайковый, или тряпичный насаленный ружокъ. Пуля обыкновенно загоняется колотушкой, и для этого при Винтовкѣ бываетъ иногда два, три шомпола различной длины и начинаютъ заряжать самымъ короткимъ. Въ Россіи рѣдко употребляютъ колотушку, а загоняютъ пулю желѣзнымъ или мѣднымъ

шомполомъ. Втиснутая такимъ образомъ пуля, прилегаетъ гораздо плотнѣе къ стѣнамъ граненаго ствола, и даже врѣзывается въ самыя грани, безъ зазора, а слѣдовательно гасъ, который образуется при воспламененіи пороха, не можетъ прорываться между пулей и стволомъ и дѣйствуетъ всей силою своею на пулю. Поэтому стѣны Винтовки должны выдерживать болѣе, чѣмъ стѣны дробовика и стволь ея дѣлается въ стѣнахъ гораздо толще. Кромѣ того, пуля, получая въ Винтовкѣ вѣрнѣйшее направленіе, должна и вѣрнѣе попадать въ цѣль. Пуля, выстрѣленная изъ обыкновеннаго ружья, или во все неимѣетъ вращательнаго движенія, или обращается черезъ себя; изъ Винтовки же, она идетъ винтообразно, сверломъ, потому что грани Винтовки нарѣзываются обыкновенно во всю длину ствола параллельно между собою и составляютъ отъ $3/4$, до $11/2$ и до 2 оборотовъ: отсюда и самое названіе «Винтовка». Стволы Винтовокъ бываютъ двухъ родовъ: мелкой нарѣзки (Haarzug, а

mille raies) и граненые, о 4 и болѣе граняхъ. Относительно метательной силы, Винтовки раздѣляются на воздушныя и пороховыя; относительно устройства замковъ или, лучше сказать, воспламеняющаго средства, на самопалы, или фитильныя, на кремневыя и ударныя. Замки, бываютъ или Азіатскіе, или простаго Европейскаго устройства, или наконецъ сложнаго, съ разными околичностями, въ числѣ которыхъ волосъ или насторожка, шнеллеръ (см. Замокъ ружейный) и задвижка для безопасности заслуживаютъ особое вниманіе. Фитильныя ружья и Винтовки, употребляются нѣкоторыми Азіятцами: онѣ замковъ во все не имѣютъ: или фитиль прикладывается непосредственно рукою къ полку, или кусочекъ зажженаго труду вставляется въ скважину такъ называемаго курка, который состоитъ просто изъ обращающагося на шпиль крючка или вилообразнаго желѣзка и падаетъ на полку, если потянуть за нижнюю его половину. Калиберъ Винтовокъ бываетъ очень различенъ; отъ гусиного пера или 3 линій, до семи и болѣе.

Хорошая Винтовка, большаго калибра, стрѣляетъ шаговъ на пять сотъ, и далѣе. Тирольцы въ особенности славятся мѣткой стрѣльбою изъ Винтовокъ; они увѣряютъ, что нѣтъ особенной выгоды стрѣлять «съ прикладу», и что пріучившійся стрѣлять «съ руки», попадаетъ также мѣтко и вѣрно. Во многихъ арміяхъ, есть особые баталіоны или полки стрѣлковъ, вооруженныхъ Винтовками. Казаки наши въ военное время гораздо охотнѣе употребляютъ собственныя Винтовки, если это имъ бываетъ дозволено, но разнокалиберное оружіе имѣть то весьма важное неудобство, что затруднительно снабжать его патронами и въ особенности пулями. Казачьи Винтовки снабжены бывають окованными желѣзомъ рожками, вилообразною, подвижной на шпиль подпоркою. Казаки ложатся при стрѣльбѣ на брюхо, и называютъ это: «пасть на рожки». Кавказскіе народы также вооружаются преимущественно Винтовками. Промышленники звѣриной охоты въ Сибири и кой-гдѣ въ Русскихъ губерніяхъ, употребляютъ почти

исключительно граненныя Винтовки малаго калибра, особенно для стрѣльбы куницъ, соболей, бѣлокъ и мѣтятъ въ головку, чтобы не продырить шкуры. Винтовки эти дѣлаются большею частію въ Сибири же, и называются Сибирками; калиберъ ихъ не толще гусинаго пера; стрѣляютъ они шаговъ на 100; ложи при нихъ Азіятскія, почти прямыя, пятигранныя, шомпола мѣдныя, чтобы ими ненадѣлать выбоинъ въ стволѣ. вмѣсто литой пули, употребляютъ для этихъ Винтовокъ обыкновенно рубленый свинець, жеребейка, округляемый во рту зубами; иногда и просто дробинку. Турецкіе стволы, краснаго желѣза, славятся прочностію и добротою. Азіятцы придѣлываютъ къ Винтовкѣ цѣликъ, мишень съ дырочками; на Европейскихъ Винтовкахъ мишени бываютъ съ нарѣзкою или зарубкою, и при томъ не рѣдко подъемныя, двѣ или три, въ томъ соображеніи, что мишень должна быть тѣмъ выше, чѣмъ далѣе выстрѣль. Замѣтимъ еще, что казаки наши называютъ дробовики, въ противоположность

Винтовкамъ, Турками. В. И. Д. Т. 10. С. 328–329.

ВОЙЛОКЪ или кошма (по Татарски Кіизъ, по Калмыцки Ишгя), валеная изъ овечьей шерсти полсть, которую употребляютъ преимущественно кочевые народы, для покрышки своихъ кибитокъ (см. Кибитка), а въ нашемъ быту, онъ служитъ для подстилокъ, для укупорки и обивки, и въ особенности на потники подъ сѣдлы. Киргизъ–Кайсаки выдѣлываютъ самое большое количество кошемъ; они валяютъ ихъ, разстилая «ябагу», руно, на готовую кошму, или на тростниковую рогожу, «чи» или «чій»; поливаютъ настилку кипяткомъ, и вмѣстѣ съ подстилкою свертываютъ туго въ трубку, мнутъ и катаютъ; потомъ развертываютъ, до нѣсколькихъ разъ, отдираютъ новый войлокъ отъ стараго, чтобъ они не свалялись вмѣстѣ, снова поливаютъ кипяткомъ и опять валяютъ. Эту работу производятъ у нихъ бабы. Русскіе Войлокъ валяютъ большею частію изъ «кислой шерсти», т. е. изъ такой, которая счищена

съ овчинъ, выдѣлываемыхъ на кожу, и уже вынутыхъ изъ закваски. Эти Войлоки бываютъ гораздо жиже и хуже. Но Войлоки русской выдѣлки, изъ стриженной шерсти, которыхъ впрочемъ въ продажѣ мало, еще прочнѣе и плотнѣе Киргизскихъ. Самое руно Русскихъ овецъ, несравненно мягче. Въ Россіи, только вешняя шерсть идетъ иногда на Войлоки, а осенняя на пряжу. Русскіе предварительно разбиваютъ шерсть на смычкѣ и разстилаютъ ее обыкновенно на хрящѣ (холстѣ) или рядинѣ, а потомъ смачиваютъ, скатываютъ на шестѣ и валяютъ. Калмыки употребляютъ для подстилки иногда и рогожи. Башкиры чрезвычайно мало валяютъ сами, а вымѣниваютъ Войлоки для кибитокъ своихъ у Кайсаковъ. Войлоки весенней стрижки, вешники, грубѣе и хуже осеннихъ; поярковые, сваленные изъ шерсти молодыхъ овецъ осенней стрижки, считаются лучшими. По цвѣту, бѣлые Войлоки самые дорогіе. Кочевые народы наши валяютъ также кошмы пестрыя, перекладывая бѣлую и черную шерсть

рядами и узорами; а за Кавказомъ дѣлаютъ весьма прочные и красивые цвѣтные войлоки, окрашивая предварительно шерсть и разстилая ее по цвѣтамъ. На кошму, въ 3 сажени длины и $2\frac{1}{2}$ аршина ширины, какъ обыкновенно ихъ валяютъ Кайсаки, идетъ шерсти осенней стрижки, съ 25 до 30 холощенныхъ (не суячныхъ) барановъ, или съ 60 суячныхъ, не холощенныхъ. Въ кошмѣ этой вѣсу около $11\frac{1}{2}$ пуда. Руно вешней стрижки гораздо гуще и спорѣе. Цѣна обыкновенной, простой кошмы, отъ 2 до 5 рублей за сажень. Замѣчательно, что не смотря на дороговизну эту и недостатокъ кошемъ, Кайсаки бросаютъ особенно весною, большую половину шерсти и она пропадаетъ даромъ. То же самое дѣлается, изъ лѣни и небреженія, даже и Линейными жителями нашими, особенно по Уральской линіи. Изъ пуху заячьяго, бѣличьяго и другихъ животныхъ дѣлаютъ родъ Войлока для шляпъ. В. И. Д. Т. 11. С. 294.

ВОЛОКУША или **ПРИВОЛОКА**, рыболовная сѣть неводнаго устройства, но меньшаго размѣра. Она, по величинѣ своей,

стоитъ между неводомъ и бреднемъ или бродникомъ; но вяжется, какъ неводъ, съ мошнею. Недьтка состоитъ изъ рѣдко вытканнаго рядка толстой пряжи, устроена какъ бредень и употребляется для ловли мелкой рыбы. Въ иныхъ мѣстахъ и самый бредень зовется Волокушей. Подъ именемъ Волокуши разумѣютъ также мятель, которая стелется низменно, по землѣ. В. И. Д. Т. 11. С. 384.

ВОЛЬНОДУМЕЦЪ, человекъ, который составилъ себѣ, или принялъ отъ другаго, особенныя, произвольныя понятія, о предметахъ религіи, вопреки исповѣданію, къ которому принадлежитъ, или отвергаетъ вообще единую вѣру и исповѣданіе, и въ жалкомъ ослѣпленіи не признаетъ даже бытія Всевышняго существа. Въ первомъ случаѣ онъ «деистъ» или «ѳеистъ», т. е. вѣруетъ въ Бога по-своему; во второмъ «атеистъ, аѳеистъ», безбожникъ. Деисты сами себя величаютъ глубокими мыслителями, мудрецами, а безвѣріе свое «вѣрою естественною», основанною на разумѣ. Они возникли, подъ этимъ

именемъ, впервые около половины XVI столѣтія, во Франціи и Италиі; потомъ появились уже вначалѣ XVII вѣка, въ Англіи. Здѣсь Чербюри былъ первый деистъ—писатель (1624); а почти цѣлое столѣтіе спустя, еще: Додвель, Стилъ, Коллинсъ, Толлендъ, Тиндель, Моранъ и въ особенности Боллингброкъ и Юмъ, извѣстны какъ поборники деисма. Дурное состояніе церковнаго управленія и распри различныхъ исповѣданій, подали въ Англіи поводъ къ этому кощунству, которое, въ свою очередь, было причиною появленія многихъ, сильныхъ и знаменитыхъ христіанскихъ писателей, которые доказали нелѣпость и ничтожность этого лжеученія. Во Франціи деисмъ возникъ снова уже подъ ядовитымъ перомъ Вольтера, Даламбера, Дидро, Гельвеція и другихъ; въ Германію онъ перешелъ было изъ Франціи, около половины XVIII столѣтія, но не могъ устоять противъ всеобщаго негодованія.

Главнѣйшій камень преткновенія для всѣхъ Вольнодумцевъ есть «Откровеніе». Они хотятъ постичь умомъ, сотворенное

ради единой вѣры; требуютъ доказательствъ логическихъ на то, что недоступно никакой логикѣ, что превышаетъ всякихъ умствованій. Переходя такимъ образомъ отъ одного заблужденія къ другому, соизмѣряя несоизмѣримое, люди эти выводятъ изъ ложныхъ началъ ложныя слѣдствія и заключенія, и наконецъ, вмѣстѣ съ развалинами своего зданія, увлекаются въ бездну. Какъ мысль, духовную по себѣ, нельзя постичь пятью чувствами, нельзя видѣть, осязать или слышать, такъ точно и таинства святой вѣры, недоступны для ума, иначе таинство не было бы таинствомъ, а вѣра вѣрою. Что же останется въ человѣкѣ, если лишится онъ святой вѣры? Отвѣтъ на это можемъ найти, взглянувъ на страну, которую и доселѣ волнуютъ послѣдствія распространеннаго въ прошломъ столѣтіи пагубнаго образа мыслей.

Иные подъ словомъ Вольнодумецъ, разумѣютъ и человѣка, который судитъ также нагло и легкомысленно о дѣлахъ политическихъ и другихъ; во всякомъ случаѣ, оно означаетъ свойство

предосудительное, болѣе или менѣе преступное. В. И. Д. Т. 11. С. 364–365.

ВЯХИРЬ, *Columba palumbus*; *ramier*; *cood-pigeon*; *Holztaube*, самая крупная порода дикихъ голубей въ Европѣ, водится повсюду въ черномъ бору, и отлетаетъ на зиму въ теплые края. Вяхирь зимуетъ частію въ южной Европѣ. Носикъ Вяхиря желтоватый, ноздри алыя, будто подернутыя мутною пылью; глаза жолтые, голова пепельнаго цвѣту; зобъ, шея и загривокъ изъ-золота-зеленые, съ игрою въ синій и мѣдянистый цвѣтъ; по обѣ стороны шеи, серпообразное бѣлое пятно; спина и крылья, пепельно-коричневая, а окраины спины и надхвостныя перья пепельно-сивая; зобъ рыжеватый, бока, брюхо, лядвія и подхвостныя перья сизо-бѣловатая; первыя правильныя перья коричневая, съ бѣлыми окрасками, вторыя, сѣро-коричневая; по крылу бѣлая кайма; хвостъ темно-сизый, а конецъ его черный; ножки алыя, когти черные. Самка, перьями почти не отличается отъ самца. Молодые бываютъ цвѣтомъ однообразнѣе, свѣтлѣе,

пепельнаго цвѣту съ малыми отмѣтами. Вяхирь живетъ по-парно, не перемѣняя самки, несетъ по два бѣлыхъ яйца, сидитъ двѣ недѣли, кормитъ зобомъ птенцовъ, которые выклевываются изъ яйца голыми и слѣпыми и дѣлаются летными не позже четырнадцати или шестнадцати дней. Вяхирь питается зерномъ всякаго роду, древесными почками, жолудями, травкой, и не рѣдко опустошаетъ жнивы. Плоское, безкровельное гнѣздо свое свиваетъ онъ охотнѣе всего на вершинѣ суховерхихъ деревь. Вяхири воркуютъ весною и въ сухую лѣтнюю погоду очень громко; къ осени они стадаются и отлетаютъ. Птица эта очень дика и осторожна; она не привыкаетъ къ неволѣ и не плодится, даже если выкормитъ вынутыхъ изъ гнѣзда. Увѣряютъ однако же, что древніе, почитавшіе Вяхиря за лакомое блюдо, умѣли распложать ихъ и въ неволѣ. Во Франціи и другихъ мѣстахъ, ловятъ Вяхирей на перелетѣ большими переметными сѣтьми, которыя разставляютъ на просѣкахъ. Можно также ловить ихъ пленками и тайникомъ или

копцами. Народъ Русскій, почитающій грѣхомъ употреблять въ пищу голубей, обыкновенно не ѣсть и Вяхирей; но мясо ихъ вкусно, особенно сытыхъ и молодыхъ. В. И. Д. Т. 12. С. 373.

ГАЙНИПСКАЯ БАШКИРСКАЯ ВОЛОСТЬ, Пермской губерніи, Оссинскаго уѣзда въ первомъ Башкирскомъ кантонѣ (кантонная квартира — деревня Елпачиха), состоитъ изъ осьми юртъ; въ нихъ 30 деревень и болѣе 6000 душъ мужескаго пола. Девятая юрта въ Пермскомъ уѣздѣ и нѣсколько деревень Бирскаго уѣзда причислены къ этой же волости. Внутри земель Гайнипскихъ находится мѣдиплавиленный Яковлева Чалковскій заводъ, и живутъ припущенниками, частію уже съ 1749 года, частію съ новѣйшихъ временъ, Тептери, Вотяки, Татары и Русскіе крестьяне, въ 16 деревняхъ. Число десятинъ земли и лѣсу, принадлежащихъ Гайнипской волости, около 50,000; но это въ точности неизвѣстно, потому что отчиники въ спорахъ съ припущенниками и сосѣдями, и начатое въ 1823 году

генеральное межеваніе не могло быть кончено. Значительное количество Башкировъ Гайнипской Волости погибло при послѣднемъ возмущеніи 1734 года. Башкиры Гайнипской Волости не кочуютъ, а живутъ осѣдло, занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. В. И. Д. Т. 13. С. 106.

ГИРЕЙСКАЯ Башкирская волость, въ десятомъ Башкирскомъ кантонѣ Оренбургской губерніи, Бирскаго уѣзда (кантонная квартира въ деревнѣ Московской), состоитъ изъ двухъ юртъ, девятой и одиннадцатой, въ которыхъ 4 тюбы и 4 аймака, всего 1542 человекъ. Часть Гирейской волости зачислена также въ 11 кантонъ. Гирейцы не кочуютъ. В. И. Д. Т. 14. С. 247.

ГИРЬЯЛЬ, гора у Гирьяльскаго отряда въ 98 верстахъ выше Оренбурга на правомъ берегу рѣки Урала. Кромѣ покинутыхъ мѣдныхъ и въ сосѣдствѣ слюдовыхъ пріисковъ, ничего замѣчательнаго не содержитъ. Гора состоитъ изъ песчанистаго плитняка. В. И. Д. Т. 14. С. 250–251.

ГИРЬЯЛЬСКІЙ ОТРЯДЪ, на Оренбургской линіи, первой казачьей дистанціи въ <98> верстахъ отъ Оренбурга вверхъ по рѣкѣ <Ураль>. Название происходитъ отъ прилегающихъ съ востока Гирьяльскихъ горъ; отрядъ ?? казаками Оренбургскаго войска, <дворовъ> 172, и одна мечеть. Жителей не принадлежащихъ казачьему сословію, слишкомъ ??. Казаки живутъ хлебопашествомъ и скотоводствомъ. В. И. Д. Т. 14. С. 251.

ГЛИНИНСКІЙ или Глиняный Форпостъ, въ землѣ Уральскаго войска на внутренней или Узенской Уральской линіи, отдѣляющей войсковые предѣлы отъ Кайсаковъ внутренней или Букеевской орды. Глининскій лежитъ при Камышъ–Самарскихъ озерахъ, на лѣвомъ берегу рѣки Малой Узени, въ 317 верстахъ отъ города Уральска, считая черезъ Мергеневъ форпостъ на рѣкѣ Ураль, куда пролегаетъ дорога. Дворовъ 57, жителей мужскаго пола 126, женскаго 130. Казаки занимаются рыболовствомъ и скотоводствомъ. Здѣсь находится Сакрыльское, Степаново,

Грязное, и другія горькія и соленыя озера, съ которыхъ жители пользуются солью для соленія одной черной рыбы, для предохраненія кожъ отъ моли, и для пищи. В. И. Д. Т. 14. С. 271–272.

ГНИЛОВСКІЙ ФОРПОСТЪ, въ землѣ Уральскаго Войска, въ 22 верстахъ выше Уральска, на правомъ берегу рѣки Урала, въ трехъ верстахъ отъ рѣки, на Гниловскомъ Озерѣ. Дворовъ 123, жителей мужескаго пола 278, женскаго 353. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; но коренное занятіе ихъ рыболовство. Гниловскій составляетъ крайній къ Уральску форпостъ верхней линейной дистанціи. В. И. Д. Т. 14. С. 308.

ГНИЛОЙ УМЕТЪ, мѣсто въ землѣ Уральскаго Войска, при рѣкѣ Большой Чеганѣ, по дорогѣ, идущей отъ Уральска въ Самару. Гнилой отъ Уральска во стѣ двѣнадцати верстахъ, отъ Общаго Сырта въ пяти; дворовъ 29, жителей мужескаго пола 76, женскаго пола 84. В. И. Д. Т. 14. С. 308.

ГРЕБЕНИ, небольшой отрогъ Ирындыка (см. Губерлинскія горы), оканчивающійся верстахъ въ 18 отъ Оренбурга, на лѣвомъ берегу рѣки Сакмары, возвышенною, остроконечною грядою отлично хорошаго извѣстняка, который употребляется на лучшія постройки. Извѣстнякъ этотъ лежитъ на твердомъ, охристомъ песчаникѣ. В. И. Д. Т. 15. С. 92.

ГРЯЗНЫЯ СОЛЕННЫЯ ОЗЕРА. Подъ этимъ названіемъ извѣстно нѣсколько соленыхъ озеръ, находящихся въ предѣлахъ Уральскаго Войска. Одно лежитъ противъ Таловскаго форпоста, между двухъ рѣчекъ, Узеней, впадающихъ съ сѣвера въ Камышь—Самарскія озера. Это озеро въ окружности до 20 верстъ и соединяется приливомъ съ соленнымъ же озеромъ Сокрыль. Соль показывается на Грязномъ Озерѣ только въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ, и жители Узенскихъ форпостовъ берутъ ея здѣсь ежегодно до ста пудовъ.

Два другія Грязныя соленныя озера лежатъ на западъ отъ Догатинскаго поста, у култука или залива того же имени; одно отъ

Курхайскаго прорана въ 10–ти, другое въ 20 верстахъ. Окружность каждаго до двухъ версть или менѣе; берега плоскіе. Соли добывается съ нихъ ежегодно до 15,000 пудовъ, но она горьковата, иногда болѣе, иногда менѣе, такъ, что въ иные годы бываетъ почти вовсе негодна.

Еще одно Грязное озеро лежитъ въ предѣлахъ Уральскаго Войска, отъ форпоста Зеленовскаго на западъ, верстахъ въ 70–ти. Окружность его до трехъ версть; оно содержитъ въ себѣ хорошую соль, которой Уральцы добываютъ въ лѣто до пяти тысячъ пудовъ.

Глининскія озера, большое и малое. Одно лежитъ выше, другое ниже форпоста того же имени, на Узенской или внутренней Уральской линіи. Озера образуются отъ разлива рѣки Малаго Узеня; имѣютъ въ окружности версть по десяти; черной рыбы въ нихъ много, но рыболовство производится не на самыхъ озерахъ, а на проранахъ или проливахъ, соединяющихъ ихъ съ Узенемъ. Вода въ нихъ, какъ и въ Узеняхъ, горьковатая.

Городной Ильмень, озеро между рѣками, Ураломъ и Большимъ Узенемъ, верстахъ въ десяти ниже Кармановскаго форпоста, Внутренней Уральской Линіи. Ильмень этотъ заливается отъ рѣчки, или лучше сказать, весенняго рукава Урала, называемаго Кушумъ. Окружность озера версть восемь; черной рыбы въ немъ много.

Горькая рѣчка, лежитъ между рѣкъ, Чижа и Большаго Узеня. Она вытекаетъ въ Саратовской губерніи изъ Общаго Сырта, и теряется въ небольшомъ болотѣ, верстахъ въ 25-ти отъ границы Саратовской, въ землѣ Уральского Войска. Вода въ ней горька, рыболовства нѣтъ; луга и пажити на берегахъ хороши.

Гранное соленое озеро, лежитъ на сѣверномъ берегу Каспійскаго Моря, въ Киргизской Степи, въ осьми верстахъ отъ моря, противъ Граннаго Бугра. Окружность озера — съ небольшимъ верста; рядомъ лежатъ еще два такихъ же озера, но соли не бываетъ.

Гранный Бугоръ, лежитъ на сѣверномъ берегу Каспійскаго Моря, на востокъ отъ

Гурьева, въ 38-ми верстахъ отъ него. Это небольшой песчаный холмъ, замѣчательный только тѣмъ, что онъ составляетъ съ этой стороны грань земель Уральскаго Войска, отчего и получилъ названіе. В. И. Д. Т. 15. С. 197–198.

ГУБЕРЛИНСКАЯ КРѢПОСТЬ, на Оренбургской линіи, въ 210 верстахъ отъ Оренбурга, вверхъ по рѣкѣ Уралу, получила названіе отъ окружающихъ ее Губерлинскихъ Горъ и отъ рѣчки Губерлы; принадлежитъ ко 2 казачьей дистанціи. Впрочемъ эта такъ-называемая крѣпость не укрѣплена и ни чѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ отрядовъ; въ ней даже, съ 1834 года, упразднено комендантское мѣсто. Губерлинская Крѣпость лежитъ въ пространной, живописной долинѣ, при впаденіи рѣки Чебаклы въ рѣку Губерлу, которая идетъ ущельемъ въ рѣку Уралъ. Дворовъ въ Губерлинской 102, церковь православная одна; жителей мужескаго пола казачьяго сословія 65, разночинцовъ 233; жители засѣваютъ всего до 350 десятинь хлѣба, и занимаются

скотоводствомъ и мѣною съ Киргизами. Въ Губерлинской дистанціи или линейномъ участкѣ случались прежде безпрестанные прорывы и перелазы Киргизовъ, увозы людей и угоны скота: этому способствовала крайне гористая мѣстность, глубокіе овраги и пролегающія грядами поперегъ рѣки Урала горы. Крѣпость основана при заложениіи линіи, около 1740 года, генераломъ княземъ Урусовымъ, въ то время, когда Оренбургъ стоялъ еще на мѣстѣ нынѣшней Орской Крѣпости. В. И. Д. Т. 15. С. 202.

ГУБЕРЛИНСКІЯ ГОРЫ. Отъ главной горной области Урала на юго-востокъ, при вершинахъ рѣки Малый Кизыль, отдѣляется хребетъ, одного образованія съ хребтомъ Уральскимъ. Отрасль эта идетъ прямо на югъ и состоитъ изъ холмистой возвышенности, пускающей множество отроговъ на востокъ. Рѣка Ураль, загибаясь у Орской Крѣпости на западъ, перерѣзываетъ эту цѣпь горъ поперегъ, и здѣсь берега рѣки круты, каменисты. Геогнозы, всю эту цѣпь горъ по правую

сторону рѣки Урала, называютъ Губерлинскими, означая продолженіе ихъ за рѣкой Ураломъ въ степи, къ югу, именовъ горъ Мугаджарскихъ; но мѣстные жители называютъ Губерлинскими только южную часть горъ, по теченію рѣчки Губерлы, а другія части хребта носятъ у нихъ особыя имена; при вершинѣ рѣки Малаго Кизыла, лежитъ Курюкъ, который, отдѣливъ значительные отроги между рѣками Большимъ Кизыломъ и Увелкою, соединяется, при вершинахъ первой, съ отрогомъ Киркши; этотъ, огибая Большой Кизыль на правой сторонѣ его, у озера Толкашъ, соединяется съ отрогомъ Ирындыкъ, примыкающимъ на юго-западъ ко хребту Кустема, связаннымъ на юго-востокъ съ отрогомъ Туять, а на югъ съ собственно Губерлинскими горами. Наибольшей высоты, 2,170 футовъ, достигаетъ цѣпь эта у вершинъ рѣки Сакмары. Послѣ горы Актны, первое мѣсто занимаетъ гора Ирындыкъ, достигающая 1,870 футовъ. Съверо-западная часть этой горной области поросла сосновымъ и

лиственнымъ лѣсомъ; но, начиная отъ Кустомы, она голѣетъ болѣе и болѣе, и наконецъ собственно Губерлинскія Горы обнажены совершенно, ущелисты и скалисты. Отъ цѣпи этой отдѣляются два значительные отрога: одинъ идущій на юго-востокъ отъ Ирындыка, по лѣвому берегу рѣки Таналыки, подъ именемъ, Вильбать и Таштюбе; другой, совершенно голый и безлѣсный, оканчивающійся не подалеку отъ устья рѣки Сакмары, подъ названіемъ Гребеней. Собственно Губерлинскія Горы состоятъ изъ огромныхъ слоевъ орлеца (шифера), потомъ изъ зеленчака, змѣвика, яшмы, кварца, известняка, талька и разныхъ глинъ. Линейная дорога по Губерлинскимъ Горамъ изъ Оренбурга въ Орскъ, была нѣкогда едва проѣзжаема; нынче она удобна и весьма живописна. Губерлинскія Горы славились лѣтъ за пятнадцать набѣгами Киргизъ-Кайсаковъ. В. И. Д. Т. 15. С. 202–203.

ГУГНЯ и ГУГНИХА, полубаснословные родоначальники нынѣшнихъ Уральскихъ Казаковъ. Преданіе говоритъ слѣдующее.

Во время Тимурь–Аксака, Донской Казакъ Василій Гугня, съ тридцатью товарищами отправился Волгою разбойничать на Каспійскомъ Морѣ, а потомъ зашелъ въ Яицкое устье, гдѣ онъ устроилъ свое зимовье. Кочевавшіе въ это время по близости Татсугскіе аулы, будучи испуганы ложною ночью тревогой отъ сорвавшейся осѣдланной лошади, и полагая, что налетѣлъ Тимурь–Аксакъ, сдѣлали другъ на друга нападеніе, перебили въ темнотѣ одинъ другаго, и многіе разбѣжались; въ томъ числѣ были три брата съ женами, въ холодную зиму на безлюдной степи едва не погибшіе голодомъ: въ ужасной крайности, потеряли они уже женъ двухъ старшихъ братьевъ; дотащившись до озера и увидѣвъ въ немъ множество рыбы, они обрадовались, но не знали какъ ее поймать; тогда жена меньшаго брата, будущая Гугниха, какъ родоначальница первыхъ въ Россіи рыбопромышленниковъ, сплела изъ длинныхъ волосъ своихъ сѣтку и научила ея ловить рыбу. Станъ или зимовье трехъ Татаръ и первыхъ Яицкихъ казаковъ, были

по сосѣдству; меньшей братъ, вышедши поискать звѣря или лошади, увидѣль со страхомъ слѣды Русскихъ лыжъ, а казаки въ свою очередь выслѣдили трехъ Татаръ, напали на нихъ, перебили, и Татарку увели съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ настала весна, и казаки, отправляясь на разбой въ море, метали жеребій, кому отдать плѣнницу, положивъ ее въ цѣну на товаръ. Три сряду раза доставалась она на долю единственному между ними Татарину. Въ сердцахъ, приписавъ это колдовству его, казаки раскачали его въ ручную и кинули въ Яикъ, а плѣнницу отдали атаману своему Гугнѣ, и назвали ее Гугнихой. Атаманъ, полюбивъ ее, взялъ съ собою въ походъ: это была первая женщина, не лишенная жизни при отправленіи казаковъ весною на поиски; они, говоритъ преданіе, убивали бабъ и обзаводились ими каждую осень наново, уводя ихъ отъ сосѣднихъ Татаръ и Калмыковъ. Со временъ Гугнихи, обычай этотъ былъ отмѣненъ. Такимъ образомъ Гугниха считается праматерью Уральцевъ, которые и понынѣ въ кругу стариковъ

пьють за здравіе Бабушки–Гугнихи. Прозваніе Гугня, дѣйствительно существовало у Донцовъ: это доказывается Гугнинскою Донскою станицею. Происхожденіе этого имени должно быть Малороссійское. В. И. Д. Т. 15. С. 212–213.

ГУРДЖИ, Хивинское селеніе или городокъ, о которомъ говорятъ, что онъ основанъ въ древности народомъ Гурджи. Гурджинцы вытѣснены лѣтъ шестьдесятъ тому, и городокъ занятъ Узбеками, Сартами, Чичурами. Домовъ въ немъ 160. Гурджи отъ Кипчака въ пяти верстахъ. Глиняная стѣна его кругомъ разваливается. В. Д. Т. 15. С. 246.

ГУРЛЯ

НЪ, Хивинскій городокъ или селеніе. Плѣнные выходцы наши показываютъ, что Гурлянъ отъ Хивы верстахъ въ 40, отъ Вайгура въ 20, отъ Ургенджа въ 30; онъ стоитъ на каналѣ, проведенномъ изъ рѣки Аму–дерьи и простирающемся не далѣе десяти верстъ за городъ. Домовъ въ немъ до 300; жители Узбеки и частію отпущенные на волю плѣнные Персіяне.

**Они занимаются торговлею, садоводствомъ
и хлѣбопашествомъ.**

В. ДАЛЬ